

1. Прочитать гл.9 « Сон Обломова.
2. Конспект в лекционной тетради
3. А) И.И. Обломов Б) Андрей Штольц

Илья Ильич Обломов.

На Гороховой улице в одном из больших домов живет Илья Ильич Обломов. «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица.

На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него... Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием...

Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною... Но была это лишь видимость. По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, налитая пылью; зеркала вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память...

Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки». Обломов находится в дурном расположении духа, так как получил из деревни от старосты письмо, который жалуется на засуху, неурожай и в связи с этим сокращает объем денег, отсылаемых барину. Обломов тяготится, что теперь придется думать еще и об этом. Получив несколько лет назад подобное письмо, он начал было придумывать план всевозможных усовершенствований и улучшений в своем поместье. Так это с тех пор и тянется. Обломов думает встать и умыться, но потом решает сделать это попозже.

Зовут Захара. Захар — слуга Обломова, крайне консервативен, носит такой же костюм, что носил и в деревне, — серый сюртук. «Дом Обломовых был когда-то богат и знаменит в своей стороне, но потом, бог знает отчего, все беднел, мельчал и, наконец, незаметно потерялся между нестарыми дворянскими домами.»

Обломов упрекает Захара за неряшливость и лень, за то, что он не убирает пыли и грязи. Захар возражает, что «чего ее убирать, если она снова наберется» и что клопов и тараканов не он выдумал, они у всех есть. Захар плутоват, присваивает сдачу с покупок, но только медные деньги, так как «потребности свои измерял медью». Он постоянно препирается с бариним из-за всякой мелочи, прекрасно зная, что тот не выдержит и махнет на все рукой. Несмотря на все это, он был глубоко преданным своему барину слуга. Они давно знали друг друга и давно жили вдвоем. Захар нянчил маленького Обломова на руках, а Обломов помнит его «молодым, проворным, прожорливым и лукавым парнем». «Как Илья Ильич не умел ни встать, ни лечь спать, ни быть причесанным и обутым, ни отобедать без помощи Захара, так Захар не умел представить себе другого барина, кроме Ильи Ильича, другого существования, как одевать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и в то же время внутренне благоговеть перед ним».

К Обломову приходят посетители, рассказывают о своей жизни, о новостях, зовут Обломова погулять Тот отнекивается, ссылаясь то на дождь, то на ветер, то на дела.

Обломов безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге. Раньше он был «еще молод, он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя; все готовился к поприщу, к роли — в службе, что и было целью его приезда в Петербург. Но он все сбирался и все готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности; Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и мирного веселья... Будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записывания в тетрадку прихода и расхода, как делывал его отец. скуку великую.

Проработав коллежским секретарём два года, Обломов прослужил кое-как два года, потом отправил казённое письмо вместо Астрахани в Архангельск. И, испугавшись гнева начальника, уволился по состоянию здоровья.

С женщинами Обломов не общается, так как это влечет за собой хлопоты. Он ограничивается «поклонением издали, на почтительном расстоянии». Сначала ему тяжело стало пробыть целый день одетым, потом он ленился обедать в гостях, кроме коротко знакомых, больше холостых домов, где можно снять галстук, расстегнуть жилет и где можно даже «повалиться» или соснуть часок. Вскоре и вечера надоели ему: надо надевать фрак, каждый день бриться... Несмотря на все эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штольц часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым, а потом и за границу — и без него Обломов опять ввергался весь по уши в свое одиночество и уединение, из которого его могло

вывести только что-нибудь необыкновенное». «Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете.

Андрей Штольц.

Штольц был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская, веру он исповедывал православную; природная речь его была русская». Его отец, Иван Богданович, — управляющий в селе Верхлеве, двадцать лет живет в России. В селе маленький Штольц рос и воспитывался. С восьми лет сидел с отцом над географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных. Дрался с окрестными мальчишками, часто по полсуток не бывал дома. Мать беспокоилась, а отец лишь приговаривал: «Добрый бурш будет!» Один раз Андрей пропал на неделю, потом его нашли преспокойно спящим в своей постели. Под кроватью — чье-то ружье и фунт пороху и дробу. На вопрос, где взял, ответил: «Так!» Отец спрашивает сына, готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немецкий язык. Узнав, что нет, отец выволок его за шиворот во двор, дал пинка и сказал: «Ступай, откуда пришел. И приходи опять с переводом, вместо одной, двух глав, а матери выучи роль из французской комедии, что она задала: без этого не показывайся!» Андрей вернулся через неделю с переводом и выученной ролью. Мать жалеет Андрея и не разделяет методов отца по практическому воспитанию сына. «Она жила гувернанткой в богатом доме и имела случай быть за границей, проехала всю Германию и смешала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплевывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых, как палка, офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на черную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей... Она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки; заказывала в городе курточки; учила его прислушиваться к задумчивым; звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю». По соседству жили княжеские дети Пьер и Мишель. Первый рассказывал о кавалерии, как трубят зорю и т. п., а второй, Мишель, «только лишь познакомился с Андрюшей, как поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка. Дня через три Андрей, на основании только деревенской свежести и с помощью мускулистых рук, разбил ему нос и по английскому, и по русскому способу, без всякой науки, и приобрел авторитет у обоих князей» Когда сын возвратился из университета и прожил месяца три дома, отец сказал, что ему больше делать в Верхлеве нечего. Дав сыну сто рублей, отправляет его через Москву в Петербург (мать к тому времени уже умерла). Отец говорит, что «образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, — не знаю, что ты избереешь». Андрей отвечает, что хотел бы преуспеть во всем. Отец предлагает дать ему адрес своего богатого знакомого — Рейнгольда, с которым он когда-то вместе пришел из Саксонии и у которого теперь четырехэтажный дом, — на случай, если «не станет умения, не сумеешь сам вдруг отыскать свою дорогу». Андрей отвечает, что пойдет к Рейнгольду, когда у него самого будет четырехэтажный дом. Хочет ехать. Видя сухое, «нечеловеческое» прощание отца с сыном, какая-то старуха в толпе заголосила, благословила Андрея. Он подъехал к ней и заплакал, так как «в ее горячих словах послышался ему будто голос матери». «Штольц ровесник Обломову, и ему уже за тридцать лет. Он служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги. Он участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу». Штольц не теряет головы из-за женщин. «Он и среди увлечения чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным. Он не ослеплялся красотой и потому не забывал, не унижал достоинства мужчины, не был рабом, не «лежал у ног» красавиц, хотя не испытывал огненных радостей». Он говорил, что «нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков, и донести сосуд

жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них»
Штольц сформировался в личность, во многом необычную, благодаря двойному воспитанию, полученному от волевого, сильного, хладнокровного отца-немца и русской матери, чувствительной женщины, забывавшейся от жизненных бурь за фортепьяно.
Ровесник Обломова, он являет полную противоположность своему приятелю.